

**Бадмаева Л.Б. Языковое пространство
бурятского летописного текста.**

**Отв. ред. д-р филол. наук Л.Д. Шагдаров. —
Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра
СО РАН, 2012. — 295 с.**

Монография посвящена изучению письменного наследия бурятского народа. В книге на разных уровнях исследуется язык бурятских летописных текстов, содержащих богатый и во многом уникальный материал. На современном этапе лингвистическое источниковедение является наиболее перспективным направлением монголоведения, поскольку письменные памятники дают ценные сведения для разработки вопросов формирования и развития литературных монгольских языков, межкультурных и языковых контактов. Характерной особенностью бурятских летописей является их синкретизм, смешение исторического и литературного жанров. В них содержится большое количество данных по истории, этнографии, социально-административному устройству, традиционной культуре и быту бурят.

Монография отличается четкой композицией, последовательно раскрывающей замысел автора. Она состоит из краткого предисловия, истории изучения языка бурятских летописей, пяти глав, заключения, списка сокращений и библиографии. Филологический анализ бурятских летописных текстов осуществлен с использованием разных методов и приёмов.

В первой главе книги даётся общая характеристика бурятских летописных текстов XIX – нач. XX вв. Автор последовательно описывает летописи хоринских, селенгинских, баргузинских и шэнэхэнских бурят, в частности: *Qori kiked ayuyin buriyad-nar-un urida-dayan bolwysan anu* (О том, как в прошлом образовались хоринские и агинские буряты, 1863),

Qori-yin arban nigen eċige-yin jon-u uy ijayur-un tuγuċi (История происхождения народа одиннадцати хоринских отцов, 1875), *Qori-yin 11 eċige-yin buriyad jon-u tegūke* (История происхождения бурят 11 хоринских родов, 1887), *Qori buriyad-un quriyangγui teūke* (Краткая история хори-бурят, 1903), *Selengge-yin mongγol buriyad-un mongγol buriyad-un teūke* (История селенгинских монголо-бурят, 1868), *Baryujin-u buriyad-nar-un teūke domuy* (История баргузинских бурят, 1880), *Baryujin-u buriyad-nar-un teūke* (Летопись баргузинских бурят, 1887).

Раскрывая содержание бурятских летописей, Л.Б. Бадмаева приводит интересные сведения об авторах сочинений: Тугултуре Тобоеве, Вандане Юмсунове, Шираб-Нимбо Хобитуеве, Дамби-Жалсане Ломбоцеренове, Цыдэб-Джабе Сахарове и др. В данной главе подробно освещается деятельность первых исследователей и публикаторов бурятских летописных сочинений: Н.Н. Поппе, А.И. Вострикова и В.А. Казакевича.

Следует особо отметить, что Л.Б. Бадмаева вводит в научный оборот малоизвестные летописные тексты на старомонгольской письменности: анонимную рукопись *Qori buriyad-un quriyangγui teūke* из архива Д.З. Зандановой и *Buriyad-mongγul-un tobċi teūke* Бодонгута Абида. Эти источники также имеют большую научную ценность.

Во второй главе рассмотрены основные параметры летописного текста: связность, цельность и отнесенность к одному из функционально-смысловых типов речи — повествованию, описанию, рассуждению. Обстоятельно исследуется проблема перевода летописных текстов на русский язык. Мы согласны с мнением автора, что «переводчик в большинстве случаев должен исходить из более широкого контекста, чем предложение, а именно — сверхфразового единства и сложного синтаксического комплекса, представляющего тематическое, смысловое и грамматическое объединение тесно связанных между собой нескольких предложений летописного текста» (с. 83).

В третьей главе исследована лексика бурятских летописей, включая термины разных областей: административной

системы бурят, управления и делопроизводства; названия, связанные с животноводством, полеводством, названия орудий труда, домашней утвари, видов жилья, построек, игр, развлечений и т. д.

Основательно рассмотрены шаманские и буддийские термины. Как пишет автор, бурятские летописные тексты «содержат большой материал по обрядовой стороне шаманизма, божествам шаманского пантеона, представляющих названия уже исчезнувших реалий и понятий» (с. 109). Приведены названия санов и ученых степеней лам, буддийских школ. В настоящее время эта лексика вновь приобретает актуальность в связи с возрождением буддизма среди бурят и калмыков. Поэтому, как верно отмечено автором, «буддийская лексика, за многие годы воинствующего атеизма сознательно отодвинутая в пассивный запас, в результате деархаизации начинает переходить в активный запас лексики современного бурятского языка» (с. 117).

Автор справедливо замечает, что «байкальский регион с древности представлял зону этнокультурных связей народов Центральной Азии, Западной и Восточной Сибири, что повлияло на формирование особой культуры открытого типа, способной к инновациям, терпимой к иноэтническому присутствию» (с. 117–118). Сложный и длительный процесс вхождения Бурятии в состав Российского государства имел историческое значение для бурят не только в социальном и культурном плане, но и в языковом. Бурятские летописи являются «первыми достоверными источниками, где отражены письменные формы заимствованных слов из русского языка в XVII–XIX вв.» (с. 118).

Автор описывает большой массив русской заимствованной лексики, полученный методом сплошной выборки из летописных текстов: 1) названия мест оседлого проживания русских поселенцев, 2) названия титулов, должностей, 3) военные термины, 4) термины, обозначающие различного рода занятия, 5) канцелярские термины, 6) названия присутственных

мест, 7) названия овощных и зерновых культур, 8) названия орудий труда, предметов быта, 9) названия русской метрической системы мер и т. д.

Нельзя не согласиться с выводом о том, что:

1) в летописных текстах бурят письменные формы русских заимствований, в основном, транскрибируются, а лексические единицы, проникшие через разговорный язык и прошедшие фонетическую адаптацию, фиксируются в бурятском произношении (*qangtor* 'контора', *patiira* 'квартира', *üsinig* 'ученик', с. 120);

2) русские заимствования составляют основное отличие бурятских хроник от собственно монгольских летописей (с. 121).

Интересным представляется исследование ономастического материала бурятских летописей, которое позволило выявить топоосновы, установить типичные топоформанты и представить топонимическую систему бурят XVII–XIX вв. В данном отношении важными являются замечания автора о том, что новые топонимы образованы в результате процесса трансонимизации (в основном, гидронимов в ойконимы) и что этимология топонимов указывает на языковые контакты бурят с тюрками, тунгусо-маньчжурами и русскими (с. 128–129).

Ценным является семантический и структурный анализ антропонимов из летописных текстов, т. к. они содержат имена реальных исторических личностей. По языковой принадлежности в именнике выявлены три пласта: исконно бурятский, тибетско-санскритский, славянский. В результате этимологизации установлены апеллятивы со значением названий растений, животных, домашней утвари; качественные имена со значением признака человека. По наблюдениям автора, язык бурятских летописных текстов отражает общемонгольский словарный фонд, хотя титулатура и термины, относящиеся к институту управления, отличаются от монгольских.

В четвертой главе исследована морфология бурятских летописей: именные и глагольные формы, служебные слова.

Здесь же рассмотрены архаичные лексико-морфологические элементы языка летописных текстов. По наблюдениям автора, в языке бурятских летописей представлены все форманты множественности, имеющиеся в классическом монгольском языке, а также некоторые специфические показатели: *-lid*, *-mad*, *-siyul*. Отмечается, что в употреблении показателей множественности ощущается заметный сдвиг в сторону современных языковых норм литературного бурятского языка (с. 158).

В языке бурятских летописей выявлено 9 падежей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, соединительный, совместный. Рассмотрев систему склонения имен в языке летописных текстов, автор высказывает мнение о том, что «парадигма склонения имен классического языка в основе своей соблюдалась бурятскими летописцами. Имеющиеся в летописях отклонения объясняются влиянием разговорной стихии халха-монгольского и бурятского языков» (с. 164).

В бурятских летописных текстах обнаружено более 40 глагольных форм — финитных и нефинитных. Оказалось, что они не имеют существенных отличий от соответствующих форм классического монгольского языка. Отмечено, что в языке бурятских летописей отсутствует целевое деепричастие на *-ra* (*γarura* ‘чтобы выйти’, ср. бур. *γарaxая*) и приглагольное деепричастие на *-run/-rün* (*keleriin* ‘сказал следующее’, с. 165).

Интересны наблюдения об эволюции вспомогательных глаголов. Рассмотрев тексты летописей и переложения их на современный бурятский язык, автор заключает, что «различные формы архаичных вспомогательных глаголов **a-*, **bö-* (*aγsan*, *aγad*, *aqui*, *amui*, *bui*, *bölüge*) бытуют в современном литературном языке в виде предикативных частиц (*һэн*, *аад*, *ха*, *юм*, *биш*, *болоо*, *бэлэй*)» (с. 187). Анализ служебных слов в текстах бурятских летописей показал, что состав и употребление не только знаменательных, но и служебных частей речи в языке хроник совпадают с таковыми классического монгольского языка (с. 190).

В целом, выводы автора весьма убедительны, они подкреплены фактическим материалом из текстов разных летописей. Отмечается, что парадигмы склонения и глагольного словоизменения классического монгольского языка выдерживаются авторами бурятских летописных текстов, а правила правописания классического монгольского языка в большинстве случаев соблюдаются.

В пятой главе в рамках теории полипредикации очень детально исследованы синтаксические особенности бурятских летописей. Необходимо отметить, что в этом отношении бурятские летописи оставались неизученными. Автор делает вывод о том, что доминирующие в бурятских летописных текстах старомонгольские синтаксические конструкции по своему объему большие, чем предложение, нельзя безоговорочно признать сверхфразовыми единствами или сложными синтаксическими целыми, т. к. они состоят не из самостоятельных законченных предложений, а из зависимых предикативных единиц с одним финитным сказуемым, которое и придает им формальную завершенность.

Подобные полипредикативные конструкции Лариса Батоевна квалифицирует как сложные синтаксические комплексы (ССК) с монофинитным синтаксическим механизмом построения. Каждый ССК может расщепляться на несколько микротематических блоков (от 2 до 8 и более), представляющих собой причастно-падежные, причастно-послеложные, деепричастные конструкции с субъектом в именительном, родительном и орудном падежах. ССК тесно связаны с функционально-смысловым типом речи — описанием, повествованием и рассуждением. Разнохарактерность и большая вариативность структуры ССК свидетельствуют о том, что это не столько языковые модели, сколько речевые явления.

Автор излагает свою точку зрения в вопросе о том, были ли у бурят свой старобурятский письменный язык. Лариса Батоевна справедливо отмечает, что исконная грамма-

тическая система старописьменного монгольского языка в основном сохраняется в языке бурятских летописных текстов XIX – нач. XX вв. Автор впервые определяет язык бурятских летописных текстов указанного периода как «переходную гибридную форму книжного языка, сложившуюся в результате смешения письменного монгольского и разговорного бурятского языков» (с. 262).

Общемонголоведное значение имеют наблюдения автора над функционированием различных лексических групп, включая русские заимствования. Весьма глубокие выводы сделаны относительно употребления формантов множественного числа, падежных показателей, именных и глагольных форм; особенно ценны наблюдения над структурой полипредикативных конструкций. Вызывает уважение обширная источниковедческая база исследования: использованы филологические труды на русском, монгольском, бурятском, старописьменном монгольском языках.

Наряду с большими достоинствами, о которых говорилось выше, монография не лишена отдельных недостатков. В частности, некоторые моменты второй главы, касающиеся особенностей сверхфразовых единств (СФЕ), сложных синтаксических целых (ССЦ) и сложных синтаксических комплексов (ССК), повторяются в пятой главе, где речь идет о синтаксических особенностях бурятских летописей (см. сс. 77–80, сс. 202–207).

Имеют место пропуски русских переводов. Например, на с. 170 в составе сложной конструкции пропущен перевод деепричастного оборота *tere qori-yin stepnoi düme-dü iriged: obuy-a bumqan abqayulaγsan ba: tere ilegedegsen dobiirnui-yin ušira mördülge kigsen amui* ‘**прибыв в Хоринскую степную думу**, произвел следствие относительно снятия обо и бумханов, а также тех посланных доверенных’. Есть неточности в переводе примеров, например, на с. 173 читаем: *angqan-u yurban ribiije-dü bičigdeggen anu čoqum medegdenem-ügei...* ‘то, записанное в первые три ревизии, неизвестно’. Правильнее

было бы перевести данную фразу следующим образом: 'Достоверно неизвестно, что было записано в первые три ревизии'. На с. 187 послелого *činadu, činaysi* переведены 'по эту сторону' вместо 'по ту сторону, на той стороне; дальше'. Не совсем корректен перевод составного слова *bökütür qajiyur* 'горбуша' (с. 95). Следовало уточнить его, добавив для ясности слово 'коса'.

Эти замечания несколько не снижают высокой оценки рецензируемого исследования, положившего начало научному изучению письменного наследия бурятского народа. Автор, посвятивший много лет изучению языка летописных памятников Бурятии, представил серьезный и глубокий труд, который сыграет важную роль в создании полноценной истории бурятского литературного языка, исторической лексикологии и грамматики бурятского языка. Монографическое исследование Л.Б. Бадмаевой «**Языковое пространство бурятского летописного текста**» является крупным вкладом в бурятское языкознание и монголистику в целом.

Пюрбеев Г.Ц.

Пюрбеев Григорий Церенович
Институт языкознания РАН
puyurbeev@yandex.ru